

Северный рубеж 1941

**К 80-летию начала
Великой Отечественной
войны**

Сборник докладов
Международной научной
конференции

Санкт-Петербург
16–17 июня 2021 г.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
С28

НОРНИКЕЛЬ

*Издание рекомендовано к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Рецензенты:

С.В. Кулик, д. и. н., профессор СПбТУ им. Петра Великого,
А.Н. Чистиков, д. и. н., заведующий отделом современной истории
России СПбИИ РАН

Ответственный редактор

д. и. н. Ю.З. Кантор

Редактор

к. и. н. Ю.И. Мошник

Северный рубеж. 1941. К 80-летию начала Великой Отечественной войны : Сборник докладов Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 16–17 июня 2021 г. / отв. ред. Ю.З. Кантор. – М. : Политическая энциклопедия, 2022. – 279 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2500-3

В публикуемый сборник вошли материалы конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны и событиям на северном театре военных действий – одном из ключевых для противоборствующих сторон. В статьях освещена не только фронтовая история, но и вопросы организации военной медицины, военная повседневность, отражение фронтовой действительности в эгодокументах и в искусстве, а также сюжеты, связанные с музеефикацией и мемориализацией событий первых месяцев войны на севере и северо-западе. Публикуемые материалы будут представлять интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-8243-2500-3

© Кантор Ю.З., предисловие, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Политическая энциклопедия, 2022

Б.Н. Ковалев

**ДНЕВНИК МОИСЕЯ ФЕЙГИНА:
ГОЛОД И АНТИСЕМИТИЗМ
В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ**

Аннотация: Дневник Моисея Фейгина, известного ленинградского инженера, впервые вводится в научный оборот. Его записи начинаются 8 января, а заканчиваются через два месяца: 8 марта 1942 г. Автор – советский человек, практически всю сознательную жизнь проживший в Ленинграде, где он учился, получил профессию, комнату в квартире, стал коммунистом и встретил свою любовь. В условиях блокады родного города он столкнулся с проявлениями антисемитизма, человеческого равнодушия, голода. Но, несмотря на все трудности, он смог все преодолеть и эвакуироваться в советский тыл.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, дневник жителя блокадного города, голод, антисемитизм, реалии повседневной жизни в экстремальных условиях.

B. Kovalev

**DIARY OF MOISEY FEIGIN:
HUNGER AND ANTI-SEMITISM
IN BESIEGED LENINGRAD**

Abstract: The diary of Moisey Feigin, a famous Leningrad engineer, is to be introduced into scientific discourse for the first time. His notes begin on January 8, 1942, and end two months later: on March 8, 1942. The author is a Soviet man who lived almost his entire life in Leningrad, where he studied, got a profession, had a room in an apartment, became a communist, and met his love. During the siege of his hometown, he faced manifestations of anti-Semitism, human indifference, and hunger. For all that, he managed to overcome all the hardships and evacuate to the Soviet rear.

Keywords: Great Patriotic War, the siege of Leningrad, diary, hunger, anti-Semitism, hardships of war.

Один из известных исследователей повседневных реалий блокадного Ленинграда С.В. Яров писал: «Ленинградская трагедия отражена в тысячах человеческих документов. Вряд ли другие события Великой Отечественной войны столь подробно описаны буквально по дням. Воспоминания, дневники и письма являются ценнейшим источником для освещения истории блокады»¹.

Блокада уродовала людей не только физически, но и зачастую нравственно. Самыми характерными приметами распада нравственных норм в это страшное время являлись обман, воровство, грабеж и мародерство². Сюда можно добавить и зависть, неспровоцированную неприязнь к соседу. Все это могло быть вызвано не только поражениями Красной армии, начавшимися перебоями с продовольствием, но и воздействием нацистской пропаганды. Листовки, подготовленные сотрудниками Й. Геббельса, несли не меньшее зло, чем снаряды и бомбы.

В реалиях начавшейся войны Германии против Советского Союза противником «Новой Европы» объявлялся жидо-большевизм, а целью войны называлось его уничтожение. Если под «жидо» мы понимаем уничтожение еврейского населения (Холокост), то под «большевизмом» – всех советских людей, вне зависимости от их возраста, пола и национальности.

Особенностью советской пропаганды 1941 г. стало обращение к национальным героям русского народа, прославлявшимся и в Российской империи. Так, И.В. Сталин, выступая на Красной площади 7 ноября 1941 г., обратился не к «советским людям», а «к красноармейцам и краснофлотцам, командирам и политработникам, рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, работникам интеллигентского труда, братьям и сестрам в тылу нашего врага, славным партизанам и партизанкам»³.

Кроме упоминания В.И. Ленина в конце речи были названы следующие герои русской истории: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁴

Дневник Моисея Фейгина был обнаружен его внуком Владиславом в июле 2016 г., когда он разбирал архив своего по-

---

¹ Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2012. С. 5.

² Там же. С. 52.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84.

⁴ Там же. С. 86.

койного дедушки, известного ленинградского инженера. В августе 2016 г. его копия передана автору данной публикации.

Сам дневник велся в общей тетради, где на 25 страницах описываются реалии блокады Ленинграда зимой 1941–1942 гг. и последующей эвакуации в город Горький. Что-то автор вспоминает (предвоенные события, начало войны), что-то фиксирует в реальном времени. Записи, сделанные хорошим почерком, в начале чернилами, а затем карандашом, начинаются 8 января, а заканчиваются через два месяца: 8 марта 1942 г.

Из биографической справки, предоставленной родными: «Фейгин Моисей Меерович родился 7 (20 по новому стилю) июня 1914 г. в городе Клинцы Орловской области (сегодня Брянская область).

Отец, Фейгин Меер Вульфович, работал у местных лесопромышленников сначала простым чернорабочим, затем служащим-приказчиком и умер от болезни в 1915 г.

Мать, Фейгина Бася Абрамовна, после смерти мужа выполняла различные временные работы. В 1923 г. она получила инвалидность, и с 1927 г. семья находилась на иждивении сестры М.М. Фейгина. Мать проживала в городе Рославле Смоленской области. Она была зверски убита нацистами и их приспешниками в ходе карательных акций по уничтожению еврейского населения. В ноябре 1941 г. свыше 600 евреев, в том числе женщин и детей были расстреляны в Бухтеевом рву, возле еврейского кладбища.

В 1929 г. Моисей Фейгин, закончив семилетку в г. Клинцы, уехал в Ленинград, где поступил в ФЗУ “Электроток”. Затем работал на заводе “Красный Треугольник”. С завода был командирован на вечерний рабфак при Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. В институт он поступил в 1934 г. и успешно окончил его в 1939 г.

В 1938 г. был принят в ВКП(б) партийной организацией института.

По окончании института его направили в распоряжение Народного комиссариата судостроительной промышленности СССР в конструкторское бюро Электромортреста. Там он работал сначала инженером, а затем начальником отдела по проектированию электрооборудования береговых объектов ВМФ.

В 1941–1942 гг. работал в блокадном Ленинграде. Эвакуирован по Дороге жизни.

В августе 1942 г. мобилизован в Красную армию и направлен на курсы усовершенствования командного состава (КУКС) при Военно-Транспортной Академии Красной Армии им. Л.М. Кагановича.

По окончании КУКС при ВТА по автоэксплуатационной специальности в январе 1943 г. направлен отделом кадров Главного

Управления автотранспортной и дорожной службы Красной Армии (ГУАДСКА) на ВАД (Военно-Автомобильную Дорогу) № 4, где назначен помощником коменданта ДКУ-16 по комендантской службе и службе регулирования (январь – апрель 1943 г.).

С апреля 1943 г. по январь 1944 г. – помощник начальника штаба ВАД № 4.

Проходил военную службу в составе группы советских войск в Иране (Персии). С января 1944 г. по июль 1945 г. – помощник начальника штаба ВАД № 33 в Иране. Присвоено воинское звание “старший лейтенант”.

С июля 1945 г. по июль 1946 г. – начальник штаба ВАД № 32 в Иране.

После демобилизации вернулся с женой Клавдией Евсеевой Фейгиной (урожд. Машкевич) и родившимся 17 февраля 1946 г. в Иране сыном Борисом в Ленинград. Там он возобновил работу в КБ Электромортреста.

В 1953 г. был назначен и. о. главного конструктора.

Впоследствии работал в конструкторских бюро предприятий – почтовых ящиков № 204, 200, в КБ Морской Автоматики “Секстан”, в Центральном НИИ “Аврора”, в ЦНИИ “СЭТ”. Закончил конструкторскую деятельность в Центральном Научно-Исследовательском Институте судовой электроники и технологии в 1980 г. в связи с выходом на пенсию.

Имеются патенты и авторские свидетельства на изобретения. Удостоен наград и грамот.

Имел двоих детей, двоих внуков и одного правнука.

В блокадном Ленинграде находился до марта 1942 г. Проживал по адресу: 3-я Красноармейская улица, д. 14, кв. 3. Выехал с сестрой Фаней (1912 г. р.) 1 марта 1942 г.».

М.М. Фейгин умер в Санкт-Петербурге 22 ноября 2000 г.

Эти записки, по всей видимости, были написаны не только «для себя», но и для истории, если «не для всех», то для семьи: «12 января 1942 года. Как ни странно, но именно эта, ничем не значительная дата является началом моих заметок. Ведь возможно, что и останусь жив, тогда через 2–3 года всякая мелочь этого времени будет интересна»¹.

Во время советско-финской войны Ленинград уже был прифронтовым городом. Но тогда ее тягости практически не ощущались, тем более на контрасте зимы 1941/1942 г. Для большинства ленинградцев те события воспринимались в немалой степени через призму советской пропаганды. Верили в ее победоносность и справедливость.

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 1.

Тем более, по словам советского руководства, она велась для того, чтобы обезопасить город Ленина. «Я пытался на днях вспомнить, как мы жили в финскую войну, и почти все стерлось из памяти, а ведь тогда и то все казалось настолько значительным, что мы, ленинградцы, гордились и войну считали только нашей»¹.

Моисей Фейгин, безусловно, советский человек. Он ленинградец, коммунист. Он любит и гордится своим городом. Поражается его стойкости: «Как много уже пережито и сколько еще впереди? В сентябре прошлого года я бы не поверил, что Ленинград так долго и мужественно будет все выдерживать»².

И в этих экстремальных условиях, работая на оборонном производстве, отдавая последние силы, он крайне болезненно воспринимает все проявления антисемитизма: «Особенно обидно, унизительно и страшно было видеть все возрастающий (под влиянием немецких листовок и их успехов) антисемитизм, ведь я возможным даже считал еврейские погромы»³.

Последнее все же не произошло. Моисей Фейгин написал в январе 1942 г.: «Сейчас эти <антисемитские> настроения заметно снизились под влиянием успехов нашей армии»⁴. Да и для ленинградцев стало понятно, что заявления немецких прокламаций на тему «Гитлер – освободитель», «Мы несем вам свободу от ига жидо-большевизма» как-то не вяжутся с постоянными бомбежками и обстрелами жилых кварталов. Но свое подлое дело они все-таки сделали.

Поэт-фронтовик Борис Слуцкий, награжденный многими боевыми орденами, так передал подобные настроения в советском тылу и на фронте:

*Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабконе*⁵.

В дневнике подробно описываются реалии блокадной жизни, хотя сам автор считает, что он находится в относительно хороших условиях по сравнению с другими ленинградцами: «Продовольственные дела очень плохи, даже в нашей столовой, где все время было лучше других столовых, нас кормили только одним первым – зелеными щами, вернее зеленой теплой водичкой.

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Строфы века. Антология русской поэзии. М.: Полифакт, 1999. С. 643.

За этой водичкой приходится ходить на Охту, “к черту на куличики” при 30-градусном морозе. И не ходить нельзя. В противном случае вместо рабочей нормы хлеба, 350 г, будет всего 200, и не только у меня, но и у Фани»¹.

Быть может, в таких экстремальных условиях можно выполнять какую-либо механическую работу. С творческой гораздо сложнее, тем более на новом участке работы: «Особенно не хочется работать в ЦКБ – люди для меня все чужие, сидят в темноте и холоде (здание не отапливается). А что мне придется делать, ведь с судами совсем не знаком. Ну, я, кажется, стал думать больше, чем на один день наперед, а это уже ни к чему. Поживем – увидим»².

То, что раньше казалось обыденным, например, возможность помыться, сходить в баню, становится роскошью и мечтой. «15 января 42 года (четверг). Сегодня впервые обнаружил у себя обыкновенную вошь. Кто бы мог подумать, что это возможно. В бане я не был не менее полутора месяцев, так как бани нигде не работают (нет воды и топлива). Как исключение они бывают для военных»³.

Как уже отмечалось, у Моисея Фейгина, занятого в оборонной сфере, условия жизни были гораздо лучше, чем у абсолютного большинства ленинградцев. Хотя и у него возникали проблемы из-за нечистоплотного поведения некоторых руководителей. «Вчера удача – попал в душ на Пищекombинате, опять выручила столовая, но на этот раз уже, увы, в последний. Вчера обедали в последний раз. Основная причина открепления от столовой – это безобразное поведение Асламазова⁴ (обнаглел и проворовался)»⁵.

Как относительно физически сильного, его привлекли к работам на кладбище. Голод и обстрелы вели к многочисленным жертвам. Автор дневника отмечает, что на кладбище, в траншее, которую он с товарищами копал для 25 трупов, помещают до 200 тел скончавшихся ленинградцев. Морально это было очень тяжело. «Несмотря на то что иметь дело с покойниками стало моей новой профессией со времени 17 сентября, когда с Антропшино нас перевели на труд на Охтинском, а затем Пискаревском кладбище, до сих пор не могу спокойно видеть столь колоссальное количество мертвых людей»⁶.

В большинстве ленинградских блокадных дневников присутствуют реалии повседневности смерти. Есть они и у Моисея Фейгина:

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 2.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Один из руководителей Моисея Фейгина.

⁵ Дневник Моисея Фейгина. С. 8.

⁶ Там же. С. 2.

«Никогда эта улица, которая идет мимо кладбища ко вновь выстроенному моргу, не была так оживлена, как сейчас. Почти непрерывный поток покойников, почти все мужчины, без гробов, иногда завернутые в одеяло или тряпки, а иногда почти голые. На двух детских саночках, и везут женщины – жены, дочери, матери.

Слез почти не бывает, люди закалились в этом горе, и смерть принимается как должное в каждой семье. Таких саночек я насчитывал за пять минут – 7, кроме того, грузовики и повозки, где замороженные тела повалены как большие неудобные дрова, на грузовике не меньше 30 человек»¹.

Не выдерживали как люди, так и животные. «Вчера по дороге на кладбище видел сани, на которых лежало два гроба. Возле саней валялась мертвая лошадь, которая везла покойников и сама сдохла»².

Работа на кладбище – это возможность получить дополнительный хлеб, а следовательно, шанс на жизнь. Автор дневника пугается какой-то тупой усталости и равнодушия, которое он видит не только в окружающих людях, но и в самом себе.

«Когда по улице ходишь, такое впечатление, что примерно половина населения города только и занята тем, что хоронят умерших – на всех улицах везут покойников, иногда даже группами по несколько человек, образуя своеобразный обоз. Многие не затрудняют себя работой отвезти покойника на кладбище или в соответствующее место (сейчас организованы такие пункты в различных местах, откуда их обезличенно отвозят на кладбище)»³.

Дневник Моисея Фейгина – это записи голодного, но не умирающего от голода человека. Он пытается соблюдать какие-то приличия, думает не только о сегодняшнем дне, но и на некую перспективу. Хотя он отлично знает, что ленинградцы употребляют в пищу все возможное, включая и трупы умерших людей. «Пару дней тому назад, идя по Загородному проспекту, возле Витебского вокзала, завернул за пивной киоск (по естественной надобности), там оказался покойник, завернутый в одеяло, который лежит уже несколько дней, это заметно хотя бы потому, что он весь обледенел и обглодан живыми людьми.

Я также сделал свое дело возле этого покойника и пошел дальше, даже милиционеру об этом сказать не имеет смысла, скажет – нет транспорта пока морозы, все это без ужасных последствий, а весной возможны ведь эпидемии»⁴.

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 2–3.

² Там же. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 9–10.

Особо остро стояла проблема с водой. Лед и снег не могли ее заменить в полной мере. «25 января 1942 г. Мороз по-прежнему очень сильный, пользуясь возможностью сидеть дома. Воды уже нигде нет. Набрал ведро снега напротив дома, у церкви, но все равно очень грязная и вкус неприятный, но ничего не придумать. Некоторые люди берут в Фонтанке и Неве»¹.

Мегаполис явно не мог существовать в таких условиях, но ленинградцы все равно сопротивлялись всем этим невзгодам. И, хотя морозы доставляли массу проблем, весна ожидалась с определенным опасением и даже страхом перед возможными эпидемиями. «Все же Ленинград не приспособлен для примитивной деревенской жизни: без воды, без канализации, света, трамвая и т. п. все дворы и улицы загажены, что будет весной, когда снег начнет таять?»²

В некоторых местах дневник Фейгина как будто перекликается с рассказом Аркадия Аверченко «Поэма о голодном человеке». Он подробно, по граммам расписывает все те продукты, которые смог получить, вспоминает о «пиршествах» (а по сути своей обыкновенных чаепитиях) сказочного довоенного времени.

Пожары из-за буржеек оказались не менее страшными, чем от немецких зажигательных бомб и снарядов. Обессиленные люди не могли постоянно следить за этими весьма примитивными отопительными приспособлениями. Все это вело к страшным трагедиям. «В последнее время очень много пожаров, с которыми бороться почти невозможно, так как воды нет. Недавно горела часть Гостиного двора. На днях дом № 9 на Пушкинской улице горел целый день. Во время бомбежек от зажигательных бомб не было таких зрелищ, тогда пожары гасились очень быстро, а сейчас люди бессильны помочь. Причины пожаров почти везде одинаковы – печки-временки “буржуйки”»³.

В дневнике Моисея Фейгина ни разу не упоминается Бог. Зато постоянно встречаются слова «надежда» и «вера». «Если бы заранее предсказали такую жизнь, вряд ли это уложилось в моей голове. Но когда это происходит постепенно в течение полугода и каждый следующий день хуже предыдущего и кажется самым плохим, то и к такой жизни привыкнешь. Силы и желание все же жить появляются, очевидно, потому, что надеешься, что это скоро кончится, и опять можно будет жить»⁴.

---

¹ Там же. С. 13.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 14.

Страдая от болезней, теряя родных и близких, ленинградцы вносили свой вклад в борьбу с гитлеровцами, нередко погибая на своем рабочем месте.

Каждый месяц, день войны приносят все новые страдания. Пусть сводки Совинформбюро и не дают подлинной полной картины о положении дел на фронтах, но это единственный источник информации. Свежую сводку можно услышать только на улице: их передают через громкоговорители. Моисей Фейгин пытается проанализировать услышанное. «23-го января 42 г. Семь месяцев уже позади, сегодня начинается восьмой. Успехи на ленинградском фронте пока еще не совсем утешительные. Если с востока от Ленинграда удалось нашим войскам потеснить немцев, то в других местах вокруг города положение с осени не изменилось. Немцы укрепились очень сильно.

Если до весны не удастся разорвать кольцо блокады и нанести поражение немецким войскам под Ленинградом, то весной положение может оказаться значительно серьезнее, чем в конце сентября прошлого года. Ленинградские армии физически также истощены (норма хлеба как будто такая же, как у рабочих)»¹.

Одним из самых востребованных видов рабочей деятельности оказалось рытье могил. Но она выматывала и физически, и нравственно. Также пугала мысль о том, что будет, когда это гигантское количество мертвой плоти начнет разлагаться. За эту работу полагался дополнительный хлеб, но руководство не всегда было готово его выдавать по полной норме. «19-го января последний раз питался на льготных условиях – как работник оборонной трассы (с рабочей нормой хлеба). 20-го в райсовете предложили нашей группе влиться в один из батальонов, работающих на Охтинском кладбище (1500 чел.) и продолжать там работу на общих основаниях. Желания поступить так у нас, конечно, не оказалось: иметь дело с покойниками и тем более когда весна приближается, выше всяких сил»².

Возвращение к основной работе не принесло ни радости, ни облегчения. Изможденные, голодные люди не могли заниматься привычной профессиональной деятельностью. «3 февраля 1942 г. Вчера должен был приступить к работе в ЦКБ-2. Весь наличный состав работников – человек 10–12 сидели у печки-буржуйки в одной из комнат и все время (2–3 часа) вели разговор о еде и покойниках. Некоторые по очереди уходили ломать переборки в помещении и пилить их на дрова для этой печки и для столовой»³.

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 10.

² Там же. С. 10–11.

³ Там же. С. 16.

Появилось даже сомнение, что не ошибся ли он, отказавшись от работы на кладбище. «Несколько человек ездило на Мойку за водой. Все эти работы выполнялись с большими спорами и скандалами. Не знаю, где лучше: возиться с покойниками на кладбище или работать в такой обстановке»¹.

В дневнике Моисея Фейгина есть всего лишь одна запись, которую можно назвать условно антисоветской. Нет, он не критикует советское правительство и Сталина (его имя, кстати, он ни разу не упоминает), его раздражает бардак и откровенное разгильдяйство. «Я отношусь к своей судьбе как судьбе никому не нужного человека. Это тогда, когда еще в расцвете сил и есть уже некоторый опыт в работе, а тебе с удовольствием предоставляют отпуск за свой счет. Мне кажется, что это возможно только при наших порядках»².

Он проводит параллели с событиями Первой мировой войны, которую он не помнил, но о которой ему явно рассказывали. И выводы, которые он делал, были не в пользу сегодняшнего дня. Хотя как коммунист Фейгин был готов сражаться до последнего. «Последние пару месяцев нет ни электроэнергии, ни трамваев, ни водопровода, – все это мешает нормальной работе предприятий. Но ведь и раньше, в первые месяцы войны, у нас оказалось большое количество неработающих людей. Говорят, что даже в мировую войну чуть ли не каждая частная мастерская делала что-либо для войны, и людей нигде не хватало. Вот это очень и обидно. От всего этого и желание пойти в армию, надо снова сходить в военкомат»³.

5 февраля было объявлено о предстоящей эвакуации. Она, в конечном счете, произошла раньше, чем планировал сам автор дневника. «По положению сегодняшнего дня отъезд возможен будет в течение 1 месяца и не больше, пока откроется Ладога. Когда видишь людей с вещами на саночках, настроение становится совсем паршивым. Или когда читаешь многочисленные объявления о дешевой распродаже (почти за бесценок) дорогой мебели и вещей, кажется, что Ленинград все покидают, и становится совсем жутко»⁴.

Уже через 10 дней он пишет: «15 февраля. 1942 г. Сумасшедшие предотъездные дни уже начались. Самое трудное – это реализовать вещи, которые взять не удастся, а их уйма. Здесь эти вещи стоят во много раз дешевле, чем в Горьком, да и время не позволит удачно

---

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 20.

продать. Опыт показывает, что все, что оставляют в комнатах, пропадает, так как комната занимается почти сразу после отъезда»¹.

Эвакуация по «Дороге жизни» проходила очень тяжело, хотя Фейгин и признает, что во многом ему и его сестре просто повезло. «8 марта 1942 г. Станция Путятино (на участке Данилов – Ярославль). Лежу на третьей полке, да, кроме того, на своих чемоданах, но это уже удобства по сравнению с тем, что позади.

Из Ленинграда выехали с Фаней 1 марта вечером на грузовой машине, открытой до ст. Жихарево через Ладожское озеро. Ввиду того, что эшелон НКСП откладывался со дня на день, пришлось воспользоваться случайным знакомством. Некий Соляян предложил устроить отправку в машинах совместно с собой через КБФ, где его брат – капитан 1 ранга»².

Добираться до места отправления с вещами оказалось очень тяжело. Часть из них пришлось бросить. «На машины мы опоздали больше чем на час, но всю колонну задержал из-за нас брат Соляяна. На машине все уже было занято Соляяном, двумя женщинами и, главное, колоссальной бочкой для горючего.

Самому мне пришлось сидеть на бочке и держать расплзающиеся по сторонам вещи. Дорога была ужасная: сугробы, сильный ветер, выручала немного водка, которую в основном выпил шофер.

Из Ленинграда выехали часов в 10 вечера. Прибыли в Жихарево, сразу же погрузились в поезд. Нам достался четырехосный товарный со всеми вытекающими удобствами. В этом вагоне ехали до Буга (до 6 марта)»³.

Питание на «Большой земле» для блокадников оказалось не только благом, но и дополнительной проблемой. «В Буге с большим трудом перебрались в классный вагон. Где лучше – в классном или в товарном, не совсем ясно, но и тут не сладко. Грязь, настоящая грязь до невозможности. Дело в том, что почти у всех либо дизентерия, или просто расстройство желудка после голода при возможности насытить желудка – это стало общей болезнью (конечно, у Фани и у меня также).

Вследствие этого (уборные в вагонах не работали) люди обгадили абсолютно все, включая свои штаны, пальто, двери и площадки вагонов. У меня на третьей полке хотя бы то преимущество, что я дальше от навоза»⁴.

---

¹ Дневник Моисея Фейгина. С. 21–22.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Там же. С. 24.

Последние записи Моисея Фейгина сделаны на станции Путятино (участок железной дороги Данилов – Ярославль): «Сколько еще дней впереди и что ждет в Горьком?»¹

Мы знаем, что все закончилось благополучно. Впереди его ждала долгая жизнь, семья, любимая работа. Но эти 25 страниц дневника являются еще одним источником нашего восприятия трагических дней блокады Ленинграда через одну человеческую судьбу.

---

¹ Там же. С. 25.